

Дячук Т. В. Статуя богини любви в народническом дискурсе 1880-х годов / Т. В. Дячук // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 122—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-122-134.

Dyachuk, T. V. (2019). Statue of the Goddess of Love in the Populist Discourse of the 1880s. *Nauchnyi dialog*, 8: 122-134. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-122-134. (In Russ.).

УДК 821.161.1Успенский.07+821.161.1Эртель.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-122-134

Статуя богини любви в народническом дискурсе 1880-х годов

© Дячук Татьяна Владимировна (2019), orcid.org/0000-0001-6834-9944, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), dia4uk.tanya@yandex.ru.

Цель предлагаемого исследования состоит в осмыслении роли статуи богини любви в народническом дискурсе 1880-х годов. Отмечается, что в эпоху кризиса народничества образ мраморной Афродиты-Венеры был востребован как антитеза потерявшей актуальность социально-этической проблеме «долга народу». В статье впервые сопоставляются произведения Г. И. Успенского и А. И. Эртеля. Показано, что писатель Эртель, заявивший о своем разрыве с народничеством, увидел в античной статуе Афродиты образ самодовлеющей красоты, к которой должен вернуться художник, избавившись от миража социальности; в отличие от Эртеля, Г. И. Успенский до конца жизни продолжал считать народ своим «кредитором», а интеллигента — человеком, обязанным жертвовать собой ради «массового счастья». Впервые прослеживается идейное влияние Н. К. Михайловского на творчество Г. И. Успенского, сказавшееся в масштабе художественного обобщения автором «Выпрямила» пороков и язв цивилизации. Указывается, что при этом субстрат народнических идей в «Выпрямила» был растворен в религиозно-экстатическом откровении Успенского о «светлом будущем» человечества. Отмечается, что статуя Венеры Милосской предстала в очерке Успенского в качестве нового религиозного символа — «пророчества» о грядущем Воскресении. Автор статьи приходит к выводу, что кризис народничества был преодолен в очерке «Выпрямила» радикальным выходом за пределы социальной жизни, к «бесконечным перспективам» богочеловечества.

Ключевые слова: Г. И. Успенский; А. И. Эртель; народничество; Венера Милосская; апокалиптика; «светлое будущее»; «долг народу».

1. Отражение кризиса народничества в творчестве и биографии А. И. Эртеля: книга «Записки Степняка» и рассказ «Пятихины дети»

В начале 1880-х годов движение русского народничества переживало за-
тяжной идейный кризис, совпавший с закрытием журналов «Отечественные

записки» и «Дело» [Мокшин, 2010, с. 195]. Идеи народничества утрачивали свое былое влияние на умы русских интеллигентов. В очерке «Наконец нашли виноватого!» (1884) из цикла «Волей-неволей (Отрывки из записок Тяпушкина)» Г. И. Успенский изобразил ренегата народничества: — *Что, — сказал мой реставрированный человек: — не одобряете? Скорби нет? Что делать! Хочется, знаете, и поотдохнуть немножко. Всё мужик, мужик, мужик, мужик — позвольте-с! Дайте вздохнуть* [Успенский, 1949, с. 356]. «Реставрированный человек» читает «Песнь торжествующей любви» И. С. Тургенева и окружает себя картинами «из римской жизни». Адресатом иронии Успенского мог быть его ближайший друг — писатель А. И. Эртель, в начале 1890-х испытавший крушение своих народнических надежд.

В 1879—1883 годах Эртель создал ряд очерков, которые позднее были объединены в книге «Записки Степняка». Герой «Записок» — народник Батури́н, поклонник творчества Успенского — в финальном очерке «Addio» признается в своем идейном фиаско и желании припасть к *чудотворному источнику святого искусства, непричастного злобе дня...* [Эртель, 1958, с. 513], в частности, побывать в Лувре. Батури́н мечтает: *с священным трепетом восприму великую тайну античных преданий и всецело проникнусь ими. И когда сердце мое закаменеет, когда лишь чистый и холодный идеал красоты получит к нему доступ, — я с гордостью скажу, что я одолел мою скорбь и погибавшую душу мою сохранил на чужбине* [Эртель, 1958, с. 513]. Условием своего духовного спасения герой называет «закаменевшее» сердце. Это выражение восходит к библейскому обороту «каменное сердце» из книги пророка Иезекии́ля, где речь идет о наказании израильского народа за идолопоклонство. В «Addio» Эртель предлагает вернуться к языческим идолам и «преданиям».

За произведением «Записки Степняка» последовал автобиографический рассказ Эртеля «Пятихины дети (Из чужих воспоминаний)» (1884). В этом рассказе писатель вспоминает о важнейших вехах в истории легального народничества: утверждению идеи долга народу (письмо 4-е из «Исторических писем» П. Л. Лаврова, озаглавленное «Цена прогресса») и распространении теории прогресса Михайловского, ставившего во главу угла свободное и многосложное развитие человеческой личности. Эртель упоминает и о двух знаковых текстах, определивших амплитуду отношения интеллигенции к народу-«кредитору». Это повесть Н. Н. Златовратского «Крестьяне-присяжные» (1874), в которой крестьяне-судьи представлены единственными поборниками истины и добра, и вызвавшая горячее обсуждение глава VI «Из деревенского дневника» Успенского (1877—1880), где крестьяне участвуют в кривом самосуде.

В рассказе «Пятихины дети» действуют два героя: рассказчик — друг Михайловского — и Виктор Пятов — бывший народник, заявляющий: *Я не люблю вашего друга, но когда-то его розовые взгляды на прогресс мною разделялись* [Эртель, 2006, с. 213]. Пятов подвергает критике главную идеологему народничества — «долг народу»: *Я с достаточной внимательностью проштудировал «Письма-то исторические», а над четвертым письмом (помните: «цена прогресса?») — над четвертым даже всплакнул в оное время. До такой степени чувствовал себя виноватым и сознавал свое бессилие отдать «долг», который целыми веками якобы громоздился на мои плечи. Но теперь я вот что думаю: да кто же вас просил, голубчики, в долги-то мне давать? Никто ведь не просил <...> Что же это такое, что я без мучительного содрогания Шопеновские полонезы слушать не могу, а «кредитор-то» мой в простоте душевной эту же музыку «свинным плачем» называет* [Там же, с. 229].

Народничеству герой Эртеля (а вслед за ними и сам автор) противопоставляет шедевр античной пластики — *ослепительно-прекрасную Афродиту: цельность монолита и гармония струн, равномерно натянутых* [Там же, с. 206]. «Житейское море» вышвыривает какую-нибудь жестоко изуродованную щенку в виде истерзанного и разбитого человека, но автору хочется ждать новой Афродиты, хочется отдохнуть наконец от этого подавляющего изобилия отбросов, провозвещающих одну только жестокость, одно бессмыслие пресловутого «житейского моря» [Там же]. Итак, по убеждению Эртеля, народники — это несчастные «пятихины дети», «истерзанные и разбитые», которым необходимо возвратиться к родным для них истокам европейской культуры — к «античным преданиям» и «холодному идеалу красоты» — мраморной Афродите. Писатель посвятил свой рассказ памяти Тургенева.

2. Теория прогресса Н. К. Михайловского в свете апокалиптики

Г. И. Успенского: очерк «Выпрямила»

Спустя год Глеб Успенский написал и опубликовал очерк «Выпрямила» (1885), полемически заостренный против отступников народничества. Очерк начинался полемикой с Тургеневым. Предметом спора выступала античная статуя богини любви. Главный герой очерка — народник Тяпушкин — принял на свой счет слова Тургенева из повести «Довольно» (1862): *Венера Милосская, пожалуй, несомненное римского права или принципов 89-го года* [Тургенев, 1981, с. 228]. Тяпушкин, напротив, считает себя находящимся на той самой линии, которая и через принципы, и через сотни других великих явлений, благодаря которым вырос человек, приведет

его, быть может, к тому совершенству, которое дает возможность чужь Венера Милосская. А то, изволите видеть: «там, мол, красота и правда, а тут, у вас, только мужские лапти, рваные полушубки да блохи!» Извините!.. [Успенский, 1953, с. 247].

Земский учитель Тяпушкин аттестует себя как *несчастнейшее из несчастнейших существ* [Там же, с. 249] (В черновом варианте очерк носил жанровый подзаголовок «Воспоминания несчастливому человеку»). Горе тяготее не только над героем — таков удел всего страдающего человечества. Чтобы наглядно продемонстрировать злую участь человечества, писатель упорядочивает все факты и явления действительности в рамках дискурса насилия таким образом, чтобы создать у читателя *ощущение какого-то беспредельного несчастья* [Там же].

Так, в начале очерка описана сцена отправки новобранцев: *<...> тут были жены, матери, отцы, невесты, сыновья, братья, дядья — словом, масса народа. Все это плакало, было пьяно, рыдало, кричало, прощалось. Какие-то энергичные кулаки, какие-то поднятые локти, жесты пихающих рук, дружно направленные на массу и среди массы, сделали то, что народ валил на вагоны, как испуганное стадо, валялся между буферами, бормоча пьяные слова, валялся на платформе, на тормозе вагона, лез и падал, и плакал, и кричал. Послышался треск стекол, разбиваемых в вагонах, битком набитых народом; в разбитые окна высунулись головы, растрепанные, разрезанные стеклом, пьяные, заплаканные, хриплыми голосами кричавшие что-то, вопившие о чем-то.*

Поезд умчался.

Все это продолжалось буквально две-три минуты; и это потрясающее «мгновение» воистину потрясло меня; точно огромный пласт сырой земли был отодран неведомой силой, оторван каким-то гигантским плугом от своего исконного места, оторван так, что затрещали и оборвались живые корни, которыми этот пласт земли прирос к почве, оторван и унесен неведомо куда... Тысячи изб, семей представились мне как бы ранеными, с оторванными членами, предоставленными собственными средствами заживать эти раны, «справляться», заращивать раненые места [Там же].

Успенский выстраивает ряды однокоренных глаголов с семантикой насилия и его результатов: *разбиваемые — битком набитые — разбитые; рыдало — плакал — заплаканные; кричало — кричавшие — вопившие; валил — валялся — валялся — падал; отодран — оторван — оборвались — оторванные; раненые — раны и т. п.*

Повторы суггестивно воздействуют на читателя, превращая железнодорожный эпизод в кошмарную сцену насилия. Объектом истязания вы-

ступает не отдельный человек, а *масса* (об этом сказано трижды!), *всё это, испуганное стадо, пласт сырой земли, с оторванными членами* (впервые отмечено в работе: [Старостина, 1998, с. 81]).

Успенский создает образ искаленного «человека-народа». Отметим, что в 1880-е годы Успенский часто отождествляет общество с собирательным и одушевленным целым. Например, в очерке «На старом пепелище» (1876): *общественная душа, душа толпы, была уж окончательно искалечена* [Успенский, 1949, т. IV, с. 120]. В очерке «Невидимки» из цикла «Грехи тяжкие»: *Слышались глубокие вздохи, иногда всхлипывания, и вообще вся толпа превратилась в скорбящего человека, человека с сокрушенным сердцем ...* [Успенский, 1952, с. 415]. В «Выпрямила» под «человеком-народом» писатель понимает не только соотечественников, но, как выясняется далее, и французов, и англичан, и немцев. Человеческому несчастью задан наднациональный и вневременной масштаб. В цикле «Грехи тяжкие» Успенский писал: *«порядок», надвигающийся между прочими народами и на нас, не знает различия между какими бы то ни было нациями. <...> Это идет капитализм, меркантилизм или просто-напросто «господин Купон», а по мужицкому разумению — прямо сам антихрист ... <...> Человек, попавший в лапы купона, немедленно лишается счастья жить многосложною душевною, нравственною заботой и превращается в инструмент, приставляемый на службу к другому инструменту* [Успенский, 1952, с. 371].

Источником несчастья оказывается объединение людей в социуме (поскольку человек, утрачивая себя, становится лишь социальной функцией), по словам Успенского — *«горе» всего человеческого общества, всех человеческих порядков* [Успенский, 1953, с. 266], раздробляющих цельного человека, превращающих его в «инструмент». В «Выпрямила» в качестве людей-«инструментов» и одновременно жертв «человеческих порядков» представлены француз-официант и парижская проститутка, а также русские «человеко-дробин» с говорящими фамилиями Полумраков и Полуптичкин.

В размышлениях о *правде человеческих отношений, до которых успело дожить человечество* [Там же, с. 260] Успенский солидаризируется с идеологом народничества Михайловским. В годы создания очерка он ближайший друг и идейный руководитель Успенского. Письма и очерки Успенского 1880 годов содержат немало отсылок к социологическим трудам Михайловского, а именно к его теории прогресса.

Как известно, Михайловский считал высшей ступенью прогресса развитую и цельную личность — «индивидуальность». В трактате «Что такое

прогресс?» Михайловский утверждал, что современное социальное развитие, так называемый прогресс, враждебен личности: *Хорошо, пусть общество прогрессирует, но поймите, что личность при этом регрессирует, что если иметь в виду только эту сторону дела, то общество есть первый, ближайший и злейший враг человека, против которого он должен быть постоянно настороже. Общество самым процессом своего развития стремится подчинить и раздробить личность, оставить ей какое-нибудь одно специальное отправление, а остальные раздать другим, превратить ее из индивида в орган* [Михайловский, 1998, с. 266]. Современный человек, по мнению Михайловского, настолько уже раздробился, настолько перестал быть неделимым человеком, чтобы приблизиться к состоянию того или другого обособленного органа, что цели Провидения не могут уже лежать для него в человеке; они разносятся для него по всему пространству и времени, размещаясь сообразно той специальной физиологической функции, которую человек в качестве специального общественного организма развил в себе за счет остальных [Там же, с. 193] («Теория Дарвина и общественная наука»). Михайловский отстаивал свою позицию в полемике с английским философом Гербертом Спенсером (1820 — 1903). Общество людей в сочинениях Спенсера «выступало в роде некоего большого животного» [Хвостов, 2006, с. 186], «живого тела», а человеческая личность уподоблялась его отдельному органу. Михайловский увидел в этом отождествлении тенденцию к подавлению индивидуальности и забвению главного права личности — права на счастье. Русский мыслитель считал «счастье личности» важнейшим условием человеческого существования, в своих трудах он перевел это понятие «из сферы желательного и нравственно-обязательного в научно аргументированную истину-правду» [Козловский, 1998, с. XIX]. В статье «Что такое прогресс?» Михайловский осуждал равнодушие английского философа: *Спенсер проходит с закрытыми глазами мимо человеческих радостей и горестей <...> Проводя параллель между прогрессом органическим и социальным, он отворачивается от счастья человечества ...* [Михайловский, 1998, с. 51—52]. Если быть последовательным, рассуждал Михайловский, то, отождествляя социум с «живым телом», надо признать и конечность его существования: *Спенсер нигде не доводит до конца своей любимой параллели между обществом и организмом. Он входит в мельчайшие подробности этой параллели и, однако, не касается одного весьма существенного пункта — смерти. Обязательна ли смерть для общества, как обязательна она для неделимого. Спенсер везде обходит этот вопрос. Мы дадим на него ответ. Всякое общество, если оно действительно приближается к состоянию организ-*

ма, если члены его действительно начинают действовать функционально, как простые органы, без мысли и воли, если общество действительно начинает уподобляться гигантскому туловищу, на котором сидит думающая за всех голова, а с боков торчат работающие за всех руки, всякое общество, дошедшее до такого состояния, находится при смерти [Там же, с. 134—135] («Что такое прогресс?»).

В очерке «Выпрямила» Успенский моделирует ситуацию, когда общество, уподобленное гигантскому организму, «находится при смерти». В отличие от Михайловского, теоретизировавшего на тему «смерти», Успенский переживает современность как время антихриста. В этом апокалиптическом переживании ярко проявилась его «религиозно-верующая натура» [Чешихин-Ветринский, 1929, с. 279].

В «Выпрямила» писатель стремится к максимальному обобщению, экстраполируя образ искаленного тела на природу, также подверженную деструктивному воздействию «всех человеческих порядков». Так, в воспоминаниях Тяпушкина о Париже и Лондоне представлены искаленные и мертвые тела животных и людей. Необходимо отметить, что материал заграничных впечатлений сначала был изложен в первой части очерка «Из памятной книжки» «Там знают» (1875). Однако через десять лет в «Выпрямила» существенно изменился ракурс изображения: путевые заметки превратились в некролог современной цивилизации.

Начнем с мертвых животных. Так, туристам, остановившимся в лондонской гостинице, предлагают *съесть по хорошему куску мяса какого-то дикого животного, которое в жареном виде разъезжало в каком-то экипаже на колесах по ресторану (где все посетители хранили мертвое молчание), останавливаясь там, где заметна была пустая тарелка* [Успенский, 1953, с. 257]. В другом ресторане путешественников угощают знаменитой гринвичской рыбкой: *Эта последняя рыбка, чрезвычайно маленькая, лежала на большой белой тарелке без всяких украшений и аксессуаров, как-то одиноко и загадочно: ее маленькое тело было искривлено как бы предсмертной конвульсией, да и одиночество ее на белой тарелке было также несколько таинственно* [Там же, с. 258]. «Тайна» рыбки объясняется средствами гротеска, но при этом сохраняется семантика насилия и травмы: *маленькая тварь вонзилась в горло, как раскаленная игла, жгла рот, гортань и, после страшных усилий проскользнув далее, обожгла все горло и, как миноноска, зашмыгала в желудке, пытаясь взорвать его в двадцати местах* [Там же, с. 259].

Под стать обезображенным животным искаленные люди. В изображении людей Успенский прибегает к гиперболизированным образам рас-

пада и болезни: *В одних катакомбах три миллиона скелетов, в морге с десятком «свежих» покойников, да в клоаках сушили тысячи мертвецов* [Там же, с. 261]. В Лондоне *целые гирлянды нищих детей, целые кучи их, кучи какой-то рвани, грязи лепешками на больных лицах, грязи в лысых местах больной головы* [Там же, с. 260]. Заблуждением было бы считать, что писатель занят лишь критикой социального неравенства. Лондонский богач так же лишен человеческого облика: *Посмотрите-ка вот на этого белотелого истукана с сигарою в углу рта, пробирающегося, вероятно, в парк на каком-то необыкновенном инструменте (нельзя сказать: «экипаже»). Истукан сидит на каком-то крошечном сиденьце, из-под которого в разные стороны вылезают какие-то стальные нити, как огромные ноги паука. Он весь на воздухе, высоко над толпой, а под ним как будто ничего нет, только блистают на солнце какие-то стальные иглы, а что это — колеса или ноги стального паука — не разберешь* [Там же].

Семантика болезни и распада ведет к гипертрофии натуралистического начала. Тяпушкин рассказывает про парижские катакомбы, в которых гниют трупы коммунаров, и про *знаменитый морг с массою трупов, положенных перед глазами зрителей весьма прилично и невозмутительно; только вот тряпье, рвань, снятая с этих мертвецов, утонувших, угоревших, застрелившихся, отравившихся* [Там же, с. 261]. Венчает этот образный ряд упоминание о «знаменитых клоаках»: *«можете представить, что одних (прошу извинить за неэстетическую картину) выкидышей человеческих, которые плавают там, в этих смрадных водах (извините, сделайте милость), он (путеводитель. — Т. Д.) считал десятками тысяч* [Там же].

Мортальное пространство очерка символично: в катакомбах, морге и клоаках погребено искалеченное и мертвое тело «человека-народа». Если учесть, что в прозе Успенского упоминается и повторяется только сюжет «Сошествие во ад» (очерк «Вдова» (1867), «Тише воды, ниже травы» (1870), «Пинжак и чорт» (1884)), а это «единственное иконографическое изображение Воскресения Христова» в русской православной иконописи вплоть до конца XVI века [Есаулов, 2004, с. 144], то очерк «Выпрямила» можно считать репликой на визуальный ряд иконы «Воскресения — Сошествия во ад», на которой традиционно изображалась пещера, «черное пятно — провал, куда летят грешники или откуда выходит Смерть — четвертый всадник Апокалипсиса (Откр. 6:8)» [Антонов, 2014, с. 117].

Состояние рассказчика описывается сравнением со «скомканной перчаткой» — еще одной вариацией на тему пустоты и безжизненности. Отметим, что впервые сравнение героя-интеллигента со «скомканной перчаткой» появилось в очерке под символическим названием «Не воскрес» (1877).

3. Венера Милосская как «пророчество» о «светлом будущем»

Восстановить тело и душу «человека-народа» может только чудо Воскресения. В очерке «Выпрямила» Успенский испытывает один из возможных вариантов Воскресения, связанный с эстетическим переживанием. Явление статуи Венеры Милосской описывается как чудо: *Что-то, чего я понять не мог, дунуло в глубину моего скомканного, искалеченного, измученного существа и выпрямило меня, мурашками оживающего тела пробежало там, где уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно так, когда человек растет, заставило также бодро проснуться, не ощущая даже признаков недавнего сна, и наполнило расширяющуюся грудь, весь выросший организм свежестью и светом* [Успенский, 1953, с. 262—263]. «Выпрямление» героя начинается с таинственного «дуновения». Успенский неслучайно выбрал именно этот глагол. Ведь первое дуновение было совершено над Адамом, которому бог «вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт 1:27-28;2:7). В христианском богослужении троекратное дуновение при крещении означает символическое действие — человек духовно творится для жизни в Боге [Малков, 2008, с. 77]. Божественное «дуновение» приобщает Тяпушкина к трансцендентному, а значит, к условиям божественной жизни: целомудрию (после встречи с Венерой Тяпушкин чувствует *неизбежность самого, так сказать, безукоризненного поведения* [Успенский, 1953, с. 264]), цельности (в «выпрямлении» преодолевается ощущение духовной и физической пустоты) и бессмертию (в перспективе *бесконечно-светлого будущего* [Там же, с. 270]). Согласно евангельскому толкованию, Воскресение — это исцеление от смерти, исправление «патологии грехопадения» [Евдокимов, 2012, с. 121]. Между тем в пределах наличной действительности ощущение воскресения-«выпрямления» оказывается непрочным. Тяпушкин констатирует несостоявшиеся попытки вновь испытать это чувство. Согласно Успенскому, окончательное восстановление в человечестве божественного образа произойдет за пределами социальной жизни, в «светлом будущем». Выражение «светлое будущее» связано с апокалиптическими переживаниями Успенского. Так, в очерке «Земледельческий календарь» из цикла «Власть земли» рассказывается о том, как крестьяне читают Откровение Иоанна Богослова. Не разбирая смысл метафорической речи евангелиста, крестьяне, по наблюдению Успенского, понимают главное в Апокалипсисе — обетование «светлого будущего», «земли» как *основания единственного безрешиного труда, как источника таких человеческих отношений, в основании которых лежит «добровольное» повинование друг другу — от-*

ношений, всего менее допускающих «человеческий» произвол [Успенский, 1949, т. VIII, с. 42].

Пока продолжается мировая история, Венера Милосская остается лишь «пророчеством» [Успенский, 1953, с. 270] грядущего преображения. Образ Венеры Милосской носит в себе каждый человек, а значит, каждый подобен богу. Но «горе» современного человека состоит, по Успенскому, в том, что его богоподобие не может быть проявлено в наличной действительности.

В конце очерка Успенский-Тяпушкин возвращается к мыслям об интеллигентном человеке, работающем на благо народа. Ему, по мнению писателя, уготован жертвенный путь — *исчезнуть, пропасть в каком-то не моем, но трудном деле ближнего* [Там же, с. 271].

4. Выводы

Обесценивание идеи «долга народу» в 1880-е годы отозвалось в русской литературе возрождением образов античного искусства. Одета в мрамор богиня любви Афродита, воспринималась писателем-народником Эртелем как идеал «холодной красоты». Одним из условий эстетического диалога с античной статуей Эртель называл «закаменевшее» сердце созерцателя, отказавшегося от служения ближнему в пользу языческого культа красоты. В полемике с Эртелем Успенский объявил статую античной богини любви «пророчеством» о грядущем преображении человека. Статуя Венеры Милосской, не изменяя своей статуарной неподвижности, «выпрямляет» душу созерцателя, наполняя ее «светом». Очерк Успенского «Выпрямила» прочитывался как религиозно-экстатическое откровение о «светлом будущем». Таким образом, кризис народничества Успенским был преодолен футуристическим шагом за пределы социальной жизни, к «бесконечным перспективам» богочеловечества.

Спустя десять лет после полемики Успенского-Тяпушкина и Эртеля-Пятова Эртель в письме к П. А. Бакунину признал, что в спорах народников *отчетливее выдвигаются контуры загадочной истины ... той истины, ради которой умер на кресте Христос, ради которой плакал несчастный Гейне, взирая на Венеру Медицейскую* [Эртель, 1909, с. 311]. «Загадочная истина» Венеры, за образом которой в очерке «Выпрямила» угадывался лик Распятого, предвосхищала религиозно-мистические открытия Серебряного века [Дячук, 2019, с. 80—88].

Источники

1. Михайловский Н. К. Герои и толпа : борьба за индивидуальность / Н. К. Михайловский // Избранные труды по социологии : в 2 т. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — Т. 2. — 405 с.

2. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений : в 30 томах / И. С. Тургенев. — Москва : Наука, 1981. — Т. 7. — С. 220—232.
3. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений : в 14 томах / Г. И. Успенский. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1949. — Т. IV. — 724 с.
4. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений : в 14 томах / Г. И. Успенский. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1949. — Т. VIII. — 647 с.
5. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений : в 14 томах / Г. И. Успенский. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953. — Т. X. Кн. 1. — 648 с.
6. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений : в 14 томах / Г. И. Успенский. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1952. — Т. XI. — 711 с.
7. *Эртель А. И.* Записки Степняка. Очерки и рассказы / А. И. Эртель. — Москва : Госполитиздат, 1958. — 612 с.
8. *Эртель А. И.* Письмо к П. А. Бакунину 15 января 1893 // Письма / А. И. Эртель. — Москва : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1909. — С. 310—312.
9. *Эртель А. И.* Пятихины дети. Избранное / А. И. Эртель. — Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. — С. 211—235.

Литература

1. *Антонов Д. И.* Анатомия ада : путеводитель по древнерусской визуальной демонологии / Д. И. Антонов, М. Р. Майзулис. — Москва : Форум ; Неолит, 2014. — 240 с.
2. *Дячук Т. В.* Статуарный образ Венеры в русской литературе 1880—1890-х гг. (Д. С. Мережковский и Г. И. Успенский) / Т. В. Дячук // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2019. — № 1. — С. 80—88.
3. *Евдокимов П. Н.* Православие / перевод с французского (Серия «Современное богословие») / П. Н. Евдокимов. — Москва : Издательство ББИ, 2012. — 500 с.
4. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 559 с.
5. *Козловский В. В.* Социологическое наследие Н. Михайловского / В. В. Козловский // Михайловский Н. К. Избранные труды по социологии : В 2 т. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. — Т. 1. — С. V—XXI.
6. *Малков П. Ю.* Введение в Литургическое Предание : Таинства Православной Церкви / П. Ю. Малков. — Москва : Издательство ПСТГУ, 2008. — 320 с.
7. *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX — начале XX вв. : монография / Г. Н. Мокшин. — Воронеж : Научная книга, 2010. — 299 с.
8. *Старостина Г. В.* Своеобразие жанрового дискурса «малой прозы» Г. Успенского / Г. В. Старостина // Восток и Запад в русской культуре. Карамзинский сборник. — Ульяновск : УлГУ, 1998. — С. 78—88.
9. *Хвостов В. М.* Очерк истории этических учений / В. М. Хвостов. — Москва : Ком Книга, 2006. — 288 с.
10. *Чешихин-Ветринский В. Е.* Глеб Иванович Успенский : биографический очерк / В. Е. Чешихин-Ветринский. — Москва : Федерация, 1929. — 381 с.

Statue of the Goddess of Love in the Populist Discourse of the 1880s

© Tatyana V. Dyachuk (2019), orcid.org/0000-0001-6834-9944, PhD in Philology, associate professor, Department of Humanitarian Education, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia), dia4uk.tanya@yandex.ru.

The purpose of the research is to conceptualize the role of the statue of the goddess of love in the populist discourse of the 1880s. It is noted that in the era of the crisis of populism, the image of the marble Aphrodite-Venus was claimed as the antithesis of the social and ethical problem of “duty to the people” that had lost its relevance. The article for the first time ever compares the works of G. I. Uspensky and A. I. Ertel. It is shown that the writer Ertel, who declared his break with populism, saw in the ancient statue of Aphrodite the image of all-sufficient beauty, which the artist should return to, getting rid of the mirage of sociality. Unlike Ertel, G. I. Uspensky continued to consider the people as his “creditor” to the end of his life, and the intellectual person as a man obliged to sacrifice himself for the sake of “mass happiness”. For the first time, the influence of N. K. Mikhailovsky on the work of G. I. Uspensky, which was expressed on the scale of artistic synthesis by the author of “Vypryamilo” the evils and ulcers of civilization, is traced. It is indicated that in this case the substratum of populist ideas in “Vypryamilo” was dissolved in Uspensky’s religious-ecstatic revelation about the “bright future” of humanity. It is noted that the statue of Venus de Milo appeared in the essay of Uspensky as a new religious symbol — “prophecy” of the coming Resurrection. The author of the article comes to the conclusion that the crisis of populism was overcome in the essay “Vypryamilo” by a radical move beyond social life, to the “endless prospects” of divine-humanity.

Key words: G. I. Uspensky; A.I. Ertel; populism; Venus de Milo; apocalyptic; “bright future”; “duty to the people”.

Material resources

- Ertel', A. I. (1909). Pismo k P. A. Bakuninu 15 yanvarya 1893. In: *Pisma*. Moskva: Tip. t-va I. D. Sytina. 310—312. (In Russ.).
- Ertel', A. I. (1958). *Zapiski Stepyaka. Ocherki i rasskazy*. Moskva: Gospolitizdat. (In Russ.).
- Ertel', A. I. (2006). Pyatikhiny deti. In: *Izbrannoye*. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraya. 211—235. (In Russ.).
- Turgenev, I. S. (1981). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh., 7*. Moskva: Nauka. 220—232. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1949). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh., IV*. Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1949). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh., VIII*. Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1952). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh., XI*. Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1953). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 tomakh., X (1)*. Moskva: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.).

References

- Antonov, D. I, Mayzulis, M. R. (2014). *Anatomiya ada: putevoditel' po drevnerusskoy vizualnoy demonologii*. Moskva: Forum; Neolit. (In Russ.).
- Cheshikhin-Vetrinskiy, V. E. (1929). *Gleb Ivanovich Uspenskiy: biograficheskiy ocherk*. Moskva: Federatsiya. (In Russ.).
- Dyachuk, T. V. (2019). Statuarnyy obraz Venery v russkoy literature 1880—1890-kh gg. (D. S. Merezhkovskiy i G. I. Uspenskiy). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 1*: 80—88. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2004). *Paskhalnost' russkoy slovesnosti*. Moskva: Krug. (In Russ.).
- Evdokimov, P. N. (2012). *Pravoslaviye (Seriya «Sovremennoye bogosloviye»)*. Moskva: Izdatelstvo BBI. (In Russ.).
- Khvostov, V. M. (2006). *Ocherk istorii eticheskikh ucheniy*. Moskva: Kom Kniga. (In Russ.).
- Kozlovskiy, V. V. (1998). Sotsiologicheskoye naslediyе N. Mikhaylovskogo. In: Mikhaylovskiy N. K. *Izbrannyye trudy po sotsiologii: v 2 t., 1*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. V—XXI. (In Russ.).
- Malkov, P. Yu. (2008). *Vvedeniye v Liturgicheskoye Predaniye: Tainstva Pravoslavnoy Tserkvi*. Moskva: Izdatelstvo PSTGU. (In Russ.).
- Mikhaylovskiy, N. K. (1998). Geroi i tolpa: borba za individualnost'. In: *Izbrannyye trudy po sotsiologii: v 2 t., 2*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Mokshin, G. N. (2010). *Evolyutsiya ideologii legalnogo narodnichestva v posledney treti XIXh — nachale XX vv: monografiya*. Voronezh: Nauchnaya kniga. (In Russ.).
- Starostina, G. V. (1998). Svoyeobraziye zhanrovogo diskursa «maloy prozy» G. Uspenskogo. *Vostok i Zapad v russkoy kulture. Karamzinskiy sbornik*. Ulyanovsk : UIGU. 78—88. (In Russ.).